

Ф. В. Голосов, А. А. Козлов

НИУ ВШЭ, НИУ ВШЭ — ИЯз РАН, Москва

НАБЛЮДАТЕЛЬ В СИСТЕМЕ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН ГОРНОМАРИЙСКОГО ЯЗЫКА¹

1. Введение

Эта статья посвящена семантике двух прошедших времен в горномарийском языке. Далее мы будем называть две интересующие нас формы Аористом и Перфектом. Выбор именно этих названий будет обоснован дополнительно; в традиционной черемистике² они называются иногда первым и вторым прошедшим временами [Пенгитов 1961], а иногда прошедшим очевидным и прошедшим неочевидным соответственно [Саваткова 2002].

На горномарийском языке говорят около двадцати трех тысяч человек, в основном проживающих в Горномарийском районе республики Марий Эл, на ее юго-западе, на границе с Нижегородской областью и Чувашией. Вместе с близкородственным луговомарийским (преобладающим в остальных тринадцати районах Марий Эл) он входит в марийскую группу финно-угорской семьи языков.

Данные, на которых основана эта статья, были собраны в ходе горномарийских экспедиций 2016–2017 гг. отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и Школы лингвистики НИУ ВШЭ в село Микряково Горномарийского района респ. Марий Эл и представляют, таким образом, крайнезападные (т. н. емангашские)

---

¹ Исследование поддержано грантом РФФ № 16-18-02081, выполняемым в МГУ имени М. В. Ломоносова. Авторы следуют фонетической транскрипции горномарийской экспедиции МГУ им. М. В. Ломоносова; она отличается от более устоявшейся черемистической транскрипции, принятой, например, Алхо Алхониemi [Alhoniemi 1993], главным образом тем, что редуцированный гласный заднего ряда (*ы* горномарийской орфографии) обозначается знаком /э/ вместо /ə/.

² Под черемистикой мы понимаем раздел языкознания, посвященный изучению марийских языков.

говору горномарийского. Мы опираемся как на материал, полученный в результате элицитации, так и на небольшой экспедиционный корпус текстов, на момент исследования включающий 3 ч. 25 мин. звучащей речи.

Цель нашей статьи состоит в следующем. Мы намерены опровергнуть сделанные ранее в черемистике утверждения о том, что два горномарийских прошедших времени противопоставлены по эвиденциальности (Аорист маркирует прямую, а Перфект — косвенную засвидетельствованность) или временной дистанции (Аорист осуществляет референцию к событиям ближайшего прошлого, а Перфект описывает ситуации, более отдаленные во времени). Мы утверждаем, что на выбор между двумя прошедшими временами влияют главным образом особенности структуры дискурса — а именно тот ее компонент, который в Теории репрезентации дискурса [Kamp, Reyle 1993] называется *perspective point*, а в отечественной семантической традиции — прежде всего в работах Е. В. Падучевой [2010] — Наблюдатель.

Статья устроена следующим образом. После вводного раздела 1 в разделе 2 мы кратко опишем видо-временную систему горномарийского языка, а в разделе 3 изложим существующие в черемистике на настоящий момент представления о семантике и функционировании интересующих нас видо-временных форм, а также об их истории. Далее в разделах 4 и 5 мы последовательно рассмотрим две выдвинутые нашими предшественниками гипотезы, одна из которых связывает семантическую основу противопоставления Аориста и Перфекта с эвиденциальностью, а другая — с временной дистанцией, — и отвергнем обе. Далее в разделе 6 мы предложим собственный анализ значения этих прошедших времен: в подразделе 6.1 мы введем понятие Наблюдателя, а в 6.2 покажем, что выбор между Аористом и Перфектом может описываться с помощью этого понятия. В заключение в разделе 7 мы подытожим и обобщим изложенное в предыдущих разделах — и объясним, почему мы выбрали именно такие ярлыки для этих прошедших времен.

2. Глагольное словоизменение в горномарийском языке

Verborum Tscheremissorum 1:ma pers. sing. aut in *am*, *äm* aut in *em* exit. Hujus rei ratione habita in duas dispecuntur conjugationes: 1:mo

quae truncum in a, ä exeuntem habent, 2:do quorum truncus in e terminatur³ [Castren 1845: 35].

Со времен М. А. Кастрена в горномарийском языке выделяют два глагольных спряжения. Спряжение, к которому относится глагол, определяет выбор флексий в трех основных словоизменятельных парадигмах: Непрошедшего времени, Аориста и Перфекта. Распределение глаголов по спряжениям задается словарно и не зависит от вида основы, а сами флексии I и II спряжений, по-видимому, на синхронном уровне не могут быть возведены к одной и той же «глубинно-фонологической» форме. Следуя черемистической традиции, продемонстрируем разницу между спряжениями на примере парадигм в Непрошедшем времени двух глаголов с омонимичными корнями: *pâr-eš* ‘кусать’ (I спр.) и *pâr-a* ‘входить’ (II спр.):

Таблица 1. Спряжение глаголов *pâr-eš* ‘кусать’ и *pâr-a* ‘входить’ в Непрошедшем времени

I спряжение			II спряжение		
<i>pâr-eš</i> ‘кусать’			<i>pâr-a</i> ‘входить’		
	SG	PL		SG	PL
1	<i>pâr-am</i>	<i>pâr-âna</i>	1	<i>pâr-em</i>	<i>pâr-enä</i>
2	<i>pâr-at</i>	<i>pâr-âda</i>	2	<i>pâr-et</i>	<i>pâr-edä</i>
3	<i>pâr-eš</i>	<i>pâr-ât</i>	3	<i>pâr-a</i>	<i>pâr-at</i>

Формы Непрошедшего времени могут осуществлять референцию как к плану настоящего, так и к плану будущего:

- (1) *vas'a amal-a*
 В. спать-NPST.3[SG]
 1. ‘Вася спит’.
 2. ‘Вася уснет’.

Синтетических прошедших времен два: Аорист и Перфект. Разница в их семантике составляет предмет настоящей статьи;

³ «Окончания марийских глаголов 1 лица единственного числа представлены либо как *am*, *äm*, либо как *em*. После установления в этом вопросе последовательности глаголы распределяются по двум спряжениям: первому, к которому относятся основы с исходом *a*, *ä*, и второму, основы в котором оканчиваются на *e*».

пока лишь повторим, что в большом количестве контекстов они взаимозаменяемы.

— Аорист («первое прошедшее время»):

- (2) *vas'a amal-âš*
 В. спать-AOR[3SG]
 'Вася спал.'

— Перфект («второе прошедшее время»):

- (3) *vas'a amal-en*
 В. спать-PRF[3SG]
 'Вася спал.'

В Аористе у глаголов второго спряжения почти во всех формах (кроме 3PL) выделяется показатель $-(\text{ə})\text{š}$ -, тогда как в первом спряжении единый показатель, как и в Непрошедшем времени, отсутствует.

Таблица 2. Спряжение глаголов *pâr-eš* 'кусать' и *pâr-a* 'входить' в Аористе

I спряжение			II спряжение		
<i>pâr-eš</i> 'кусать'			<i>pâr-a</i> 'входить'		
	SG	PL		SG	PL
1	<i>pâr-â-m</i>	<i>pâr-na</i>	1	<i>pâr-âš-â-m</i>	<i>pâr-âš-na</i>
2	<i>pâr-â-c</i>	<i>pâr-da</i>	2	<i>pâr-âš-â-c</i>	<i>pâr-âš-da</i>
3	<i>pâr-â</i>	<i>pâr-evä</i>	3	<i>pâr-âš</i>	<i>pâr-evä</i>

Правда, в парадигме единственного числа мы склонны считать показателем Аориста для первого спряжения редуцированный гласный /â/ из-за особенностей его морфонологического поведения. Если во всех остальных суффиксах, начинающихся с /â/, этот гласный не палатализирует предшествующий согласный, то перед суффиксами Аориста в единственном числе первого спряжения конечные /l/ и /n/ основы переходят соответственно в /l'/ и /n'/: *tol-eš* [прийти-NPST.3SG] — *tol'-â* [прийти-AOR.3SG], *man-eš* [сказать-NPST.3SG] — *man'-â* [сказать-AOR.3SG]. Поэтому /â/, обладающий такими специальными морфонологическими характеристиками, считается отдельной морфемой — показателем Аориста.

Показатель Перфекта выделяется в обоих спряжениях; для первого спряжения он выглядит как *-en*, для второго как *-en*.

Таблица 3. Спряжение глаголов *pâr-eš* ‘кусать’ и *pâr-a* ‘входить’ в Перфекте

I спряжение			II спряжение		
<i>pâr-eš</i> ‘кусать’			<i>pâr-a</i> ‘входить’		
	SG	PL		SG	PL
1	<i>pâr-ân-am</i>	<i>pâr-ân-na</i>	1	<i>pâr-en-âm</i>	<i>pâr-en-nâ</i>
2	<i>pâr-ân-at</i>	<i>pâr-ân-da</i>	2	<i>pâr-en-ât</i>	<i>pâr-en-dâ</i>
3	<i>pâr-ân</i>	<i>pâr-ân-ât</i>	3	<i>pâr-en</i>	<i>pâr-en-ât</i>

Семантическое противопоставление Аориста и Перфекта является той загадкой, которую мы будем решать на всем протяжении этой статьи. Здесь отметим, что и Аорист, и Перфект оказываются нейтральны как в отношении видового ракурса (допуская и перфективную, и имперфективную интерпретации), так и в отношении акционального класса глагола (позволяя глаголу реализовать все акциональные интерпретации, допустимые его акциональным классом).

Для того, чтобы проверить наличие акциональных различий между этими двумя временами, в ходе экспедиций 2016–2017 гг. согласно методике, предложенной С. Г. Татевосовым [Татевосов 2015], была собрана база данных по акциональной семантике марийской глагольной лексики, включающая 135 лексем⁴. В результате этого исследования можно с высокой степенью уверенности предположить, что наборы акциональных интерпретаций и видовых ракурсов, доступные формам Аориста и Перфекта, совпадают: замена одного синтетического прошедшего времени на другое не влияет ни на акциональную, ни на аспектуальную семантику клаузы.

В примере (4) глагол *madesš* ‘играть’⁵ относится к слабому предельному акциональному классу, то есть <ES P, P> в нотации С. Г. Татевосова. Формы Непрошедшего времени (при референции к плану настоящего) могут обозначать только процесс ‘иг-

⁴ Мы благодарны всем участникам глагольного куста Горнома-рийской экспедиции 2016–2017, принимавшим участие в составлении базы — и особенно Д. О. Жорник, взявшей на себя ответственность за ее разработку и координацию.

⁵ Так как по форме инфинитива глагола невозможно определить его спряжение, в настоящей статье глаголы приводятся в форме третьего лица единственного числа Непрошедшего времени.

рает’ — что и означает символ Р после запятой. До запятой перечисляются акциональные значения Аориста: эта форма глагола *madeš* может обозначать и вхождение в состояние (‘сыграл’) и процесс (‘играл’). Перфект имеет все те же и только те интерпретации, что и Аорист:

— предельную:

- (4а) *nānā preferans-la lu minut-āštā*
 те преферанс-COMP 10 минута-IN
mad-evä / mad-ān-āt
 играть-AOR.3PL играть-PRF-3PL
 ‘Они за десять минут сыграли в преферанс.’

— неопредельную (при перфективном ⁶видовом ракурсе):

- (4б) *nānā preferans-la kok cāš mad-evä /*
 те преферанс-COMP 2 час играть-AOR.3PL
mad-ān-āt
 играть-PRF-3PL
 ‘Они два часа играли в преферанс.’

— неопредельную (при имперфективном видовом ракурсе)

- (4в) *eče=ät kādež-āš pârā-mā-k-em,*
 опять-ADD комната-LAT войти-NMZ-ILL-POSS.1SG
nānā preferans-la mad-ān-āt / mad-evä
 те преферанс-COMP играть-PRF-3PL играть-AOR.3PL
 ‘Когда я опять вошел в комнату, они еще играли в преферанс.’

Другой глагол, *jāla* ‘гореть’, не имеет предельной интерпретации ни в одном из синтетических прошедших времен. Для того, чтобы получить предельную интерпретацию ‘сгорел’, нужно употребить этот глагол в составе одной из комплетивных серийных конструкций — например, с глаголом *rätä* ‘кончатся, истощаться’:

⁶ Наше понимание перфектива соответствует принятому в работах [Comrie 1976: 4, 16] и [Bybee, Dahl 1989: 55]: перфективная интерпретация — это такая интерпретация, в которой описываемая ситуация представляется как ограниченная во времени.

- (5a) *sarta kok cäs̄ jâl-en / jâl-âš*
 свеча 2 час гореть-PRF[3SG] гореть-AOR[3SG]
 ‘Свеча два часа горела’
- (5б) *sarta kok cäs̄-âštä *jâl-en / *jâl-âš /*
 свеча 2 час-IN гореть-PRF[3SG] гореть-AOR[3SG]
ok jâl-en pät-en
 гореть-CVB кончаться-PRF[3SG]
 ‘Свеча за два часа сгорела.’

Для нас в этом случае важно, что предельной интерпретации нет ни у Аориста, ни у Перфекта — в этом отношении они ведут себя одинаково.

Впрочем, одно аспектуальное (или околоаспектуальное) различие у марийских синтетических прошедших времен есть. Оно заключается в том, что Аорист может обозначать только эпизодические ситуации, а Перфект может употребляться еще и в хабитуальных контекстах:

- (6) *mä pervi šim totoca-š pâr-en-nä /*
 мы раньше черный баня-LAT заходить-PRF-1PL
*pârâš-na
 заходить-AOR.1PL
 ‘Раньше мы ходили в баню по-черному.’
- (7) *so=ok kânam čäčä tol-ân*
 всегда=EMPH когда дядя приехать-PRF[3SG]
âl-ân, para-m kagâl’-âm
 быть-PRF[3SG] бабушка-POSS.1SG пирог-ACC
küešt-ân / *küešt-â
 печь-PRF[3SG] печь-AOR.[3SG]
 ‘Всегда, когда приезжал дядя, бабушка пекла пирог.’

Кроме этого, Аорист невозможен в общефактических контекстах:

- (8) *tân’ iktagânam=gân’at preferans-la*
 ты когда.нибудь=если преферанс-COMP
mad-ân-ât / *mad-âc?
 играть-PRF-2SG играть-AOR.2SG
 ‘Ты когда-нибудь в преферанс играл?’

- (9) *mән' ti knig-äm läd-än-am / # läd-äš-äm*
 я этот книга-ACC читать-PRF-1SG читать-AOR-1SG
 ‘{Читал ли ты когда-нибудь эту книгу? —} Я эту книгу читал.’

При этом ни хабитуальная, ни общефактическая референция явно не является главной или прототипической функцией Перфекта — чаще всего эта форма используется в эпизодических перфективных контекстах:

- (10) *metodičeskäj material-äm=at kăčäl-äš*
 методический материал-ACC=ADD искать-INF
värešt-en, mән' institut-äšk-em
 приходится-PRF[3SG] я институт-LAT-POSS.1SG
ke-n-äm metodkabinet-äštä mә-län-äm
 пойти-PRF-1SG методический.кабинет-IN я-DAT-POSS.1SG
palš-en-ät
 помочь-PRF-3PL
 ‘Пришлось искать методические материалы: я пошла в свой институт, мне помогли в методкабинете...’

Поэтому есть основания полагать, что семантическая оппозиция Аориста и Перфекта не сводится к тому, что Перфект просто имеет более широкий круг употреблений — в тех контекстах, где возможны обе видо-временных формы, их, по всей вероятности, должно что-то отличать.

Следует заметить, что чаще, чем Перфект, референцию к хабитуальным цепочкам событий в прошедшем осуществляют другие формы. Система временных форм в горномарийском не ограничивается тремя синтетическими временами; на общефинноугорском фоне она гедонистически богата — так, в горномарийском насчитывают до шести прошедших времен [Alhoniemi 1993: 104–110]. Кроме Аориста и Перфекта, есть еще четыре видо-временных формы, которые получаются с помощью добавления к Непрошедшему времени и Перфекту ретроспективизирующих показателей *äl'ä* и *älän*, морфологически являющихся формами Аориста и Перфекта соответственно от глагола *äleš* ‘быть’. (К формам Аориста эти показатели не присоединяются.)

- (11a) *vas'a amal-a*   *ǎl'-ǎ*
 В.   спать-NPST.3[SG]   быть-AOR[3SG]
 'Вася спал.'
- (11б) *vas'a amal-a*   *ǎl'-ǎn*
 В.   спать-NPST.3[SG]   быть-PRF[3SG]
 'Вася спал.'
- (11в) *vas'a amal-en*   *ǎl'-ǎ*
 В.   спать-PRF[3SG]   быть-AOR[3SG]
 'Вася спал.'
- (11г) *vas'a amal-en*   *ǎl'-ǎn*
 В.   спать-PRF[3SG]   быть-PRF[3SG]
 'Вася спал.'

Формы Непрошедшего в сочетании с показателями ретроспективного сдвига имеют дистрибуцию, в общем типичную для форм имперфектива в прошедшем (=имперфекта). Формы Перфекта с теми же частицами имеют диапазон употреблений, типологически характерный для плюсквамперфектов (предшествование в прошедшем, «прекращенное прошлое» и др., см. [Сичинава 2013]). Оба ретроспективизатора никогда не согласуются с подлежащим, сохраняя форму третьего лица единственного числа; смысловой глагол при этом всегда согласуется. Сложная проблема описания семантики перифрастических форм прошедшего времени в горномарийском (как и луговомарийском) еще не решена до конца (хотя см. [Воронов, Мордашова 2016]); для того, чтобы это сделать, по-видимому, необходимо сначала выполнить задачу настоящей статьи — разобраться в семантическом противопоставлении Аориста и Перфекта. Скажем лишь, что как «плюсквамперфектные», так и «имперфектные» перифрастические формы могут осуществлять референцию к хабитуальным ситуациям в прошлом, ср. примеры (12) и (13), следующие друг за другом в поучительном рассказе о пользе чтения, соответственно:

- (12) *vot tǎdǎ-n don kǎktǎ-n mü so naperegonki*
 вот тот-GEN с 2-GEN мы всегда наперегонки

lâd-ân-na   *âl'-â*
 читать-PRF-1PL   быть-AOR.3SG
 ‘{В классе был один мальчик, Вася.} Вот с ним мы всегда вдвоем читали наперегонки.’

- (13) *bibliat'ekar'*   *mäm-nä-m*   *so*   *jäl-län*
 библиотекарь мы.OBL-POSS.1PL-ACC   всегда   другие-DAT
xval-en   *pop-a*   *âl'-â*
 хвалить-PRF[3SG] говорить-NPST.3SG   быть-AOR.3SG
 ‘Библиотекарь нас всегда хвалила.’

Итак, Аорист и Перфект отличаются друг от друга как минимум сферой употребления: Аорист, в отличие от Перфекта, употребляется только при референции к эпизодическим ситуациям, а Перфект, кроме этого, может употребляться еще в хабитуальных и экспериенциальных контекстах. Однако это не основная функция Перфекта — в ней с ним конкурируют еще «имперфектные» и «плюсквамперфектные» перифрастические формы, в то время как Перфект часто употребляется как простое перфективное прошедшее. Семантическая оппозиция между двумя синтетическими формами прошедшего времени в эпизодических контекстах, таким образом, остается неясной.

3. Аорист и Перфект в литературе по черемистике

В этом разделе мы представим краткий обзор предложенных ранее теорий и гипотез о значении марийских прошедших времен. Приступая к такому обзору, нужно сделать оговорку: большинство исследователей марийской грамматики не разделяли луговой и горный марийский языки и чаще всего делали утверждения о марийском вообще. При этом их реальным материалом, как правило, выступали диалекты лугового марийского языка, в котором сфера употребления синтетических прошедших времен может отличаться от горномарийского.

Авторы первых марийских грамматик — Г. фон дер Габеленц, Ф. И. Видеман, М. А. Кастрен — полагали, что в марийском языке есть только два времени: презенс и претерит. Ф. И. Видеман считал, что формы 3PL типа *tolevä* <прийти.AOR.3PL> и *tolânât* (прийти.PRF.3PL) — это свободные варианты (других форм он не упоминает). Полные парадигмы трех типов претерита встреча-

ются у И. Буденца [Budenz 1865]: он выделял претерит 1-й (= Аорист 1 спряжения), претерит 2-й (= Аорист 2 спряжения) и претерит 3-й (= Перфект). В современном виде противопоставление двух прошедших времен впервые встречается в грамматике протоиерея Федора Васильева [Васильев 1887]: Васильев называет Аорист недавно-прошедшим временем, а Перфект — прошедшим несовершенным.

Валериан Михайлович Васильев в «Записках о грамматике народа мари» [Васильев 1918] первым предлагает для различения двух времен такой семантический параметр, как «очевидность».

Недавно прошедшее время выражает действие или состояние очевидное, достоверно известное говорящему и поэтому его правильнее было бы назвать прошедшим очевидным (...). Прошедшее неопределенное выражает действие или состояние неочевидное, забытое или даже совсем неосознанное виновником их, а следовательно, такое, которое известно говорящему со слов других, по рассказу их [Васильев 1918: 26].

Вероятно, имеется в виду противопоставление по эвиденциальности. Вслед за В. М. Васильевым «очевидность» или эвиденциальность признавали основным различием марийских прошедших времен многие черемисты, включая А. А. Саваткову — автора единственного специализированного грамматического описания горномарийского языка, завершеного в 1980 г. и опубликованного много лет спустя в 2002 г. [Саваткова 2002].

Однако некоторые исследователи, хотя и используют термин *очевидность*, осознают, что оппозиция между Аористом и Перфектом не сводится к эвиденциальности — в том виде, в каком она фиксируется, например, в пермских языках. Так, Эва Кангасмаа-Минн [Kangasmaa-Minn 1988], присваивая двум временам названия *witnessed past* («прошедшее засвидетельствованное») и *non-witnessed past* («прошедшее незасвидетельствованное»), отмечает: «Во многих контекстах оппозиция нейтрализуется, т. е. формы становятся взаимозаменяемы» [Kangasmaa-Minn 1988: 229]. Другие авторы, как кажется, вкладывают в термин *очевидность* или его иноязычные аналоги более сложное содержание. Алхо Алхониemi, автор самого современного описания марийского языка, замечает, что

I претерит — это время непосредственного наблюдения события или действия. Оно встречается прежде всего в контекстах прямого изображения (*direkte Schilderung*) (...). II претерит является скорее временем непрямого изображения (*indirekte Schilderung*), логического умозаключения и опосредованного наблюдения (*mittelbare Beobachtung*) [Alhoniemi 1993: 115, перевод наш].

Алхониemi говорит о *прямом или непрямом отображении*: при всей туманности этого выражения кажется, что оно подразумевает не столько источник информации, сколько способ ее подачи.

Похожее решение, по сути, принял уже Н. Т. Пенгитов [1961], который считал оба времени полисемичными: прошедшее I-е (Аорист), согласно его словам, выражает, во-первых, действие, «очевидцем или участником которых является сам говорящий», а во-вторых, «такое действие, которое происходило недавно, в непосредственной близости к моменту речи». При этом он делает еще одну важную оговорку: «Прошедшее I-е употребляется для большей ясности, живости передаваемого» [Пенгитов 1961: 184], — иллюстрируя этот тезис цитатой из романа «Эренгер» М. Шкетана (в романе, написанном в 1933, действие происходит во время Гражданской войны и коллективизации, причем повествование ведется не от первого лица). Прошедшее 2-е, согласно Пенгитову, имеет еще более широкий спектр значений: 1) результативное значение, 2) значение «неочевидности» действия; 3) значение давнего прошлого; 4) «длительное» значение (соответствующее русскому несовершенному виду). Как мы увидим, анализ Н. Х. Пенгитова содержательно более всего похож на тот, который собираемся предложить мы — хотя мы и будем формулировать его совсем в других терминах.

Полисемиию обоих прошедших времен постулирует и пионер горномарийского языкознания Л. П. Васикова в диссертации, посвященной прошедшим временам в марийских языках [Васикова 1955]. «Говоря о семантике употребления, — пишет Л. П. Васикова, — I-е прошедшее и II-е прошедшее времена имеют значения перфекта и имперфекта, очевидности и неочевидности, давности и недавности действия, а также видовые различия» [Васикова 1955: 12]. Кроме этого, она делает важную оговорку:

Нередки случаи, когда в рассказах о действиях и событиях, хорошо известных рассказчику, употребляется II-е прошедшее

время. В таких случаях автор подчеркивает (или характеризует) действие не со стороны очевидности или неочевидности, а просто указывает, что действие такое совершалось [Васикова 1955: 9].

Самый подробный анализ в терминах полисемии представляет акад. Б. А. Серебренников в книге «Категории вида и времени в волжских и пермских языках» [Серебренников 1960]. При этом Б. А. Серебренников считает полисемичным только одно из времен — Перфект. Аорист, по Б. А. Серебренникову, есть просто прошедшее время, «имеющее тенденцию к видовой специализации»: «в огромном большинстве случаев оно обозначает действие законченное, недлительное» [Серебренников 1960: 158]. При этом Б. А. Серебренников отмечает, что иногда Аорист все же может обозначать «длительное» действие, например тогда, когда его видовое значение «нейтрализуется» показателями глагольной множественности *-kal-*, *-ăšt-*, *-ed-* (согласно нашим полевым данным, дериваты с этими суффиксами имеют только не-предельные акциональные значения); именно поэтому он говорит о том, что первое прошедшее время только «начало приобретать» видовое значение.

Перфект, по мнению Б. А. Серебренникова, может иметь одно из трех значений: 1) «имперфектное» («длительного действия»), 2) «перфектное» («прошедшее результативное») и 3) «модальное значение неочевидности действия», возникшее «на базе перфектного значения». В последнем, третьем значении Перфект не имеет видовой специализации и может обозначать как «длительные», так и «законченные» действия. При этом основная масса примеров, цитируемых Б. А. Серебренниковым для иллюстрации имперфектного значения, являются хабитуальными — как мы видели, Перфект действительно отличается от Аориста тем, что имеет не только эпизодические, но и хабитуальные употребления. Результативность или перфектность в прошедшем Б. А. Серебренников понимает, с точки зрения современного грамматической типологии (см. хотя бы определение В. А. Плунгяна [Плунгян 2011: 289–290]), экстравагантно — эти понятия иллюстрируют, например, предложения из нарративных последовательностей, переводящиеся как «Залегли и ждали, а потом *вышли*» или «Сидела я вместе с сыном в тюрьме при немцах, в Керчи. *Освободили* меня партизаны».

Заметим, что примеров недопустимости Перфекта в контекстах отсутствия результата в настоящем Б. А. Серебренников не дает (разумеется, в его работе вообще отсутствует отрицательный материал). Кажется, что первые два значения, то есть референция к неопределённым и предельным ситуациям в прошлом, исчерпывают логический круг возможностей: получается, что Перфект может употребляться вообще при любой референции к плану прошедшего — а в этом случае незачем постулировать полисемию. Точно так же, по-видимому, нет смысла выделять третье «неочевидное» значение — если в силу первых двух Перфект может осуществлять референцию и к «очевидным» ситуациям.

Кроме этого, Б. А. Серебренников делает два важных замечания относительно «стилистических» функций марийских претеритов по сравнению с похожими формами в пермских языках.

Во-первых, он отмечает разницу в употребительности между марийским Перфектом и пермскими «вторыми прошедшими» временами, которые действительно выражают эвиденциальность:

В газетных сообщениях, учебниках и т. д. в таких языках, как коми, удмуртский, татарский и другие перфект обычно заменяется первым прошедшим временем. В марийском, так же как в чувашском языке, в газетных сообщениях употребляется второе прошедшее время [Серебренников 1960: 168].

Во-вторых, обсуждая случаи употребления Аориста в контекстах незасвидетельствованного прошедшего (в которых, согласно изложенной выше теории, ожидался бы Перфект), Б. А. Серебренников замечает:

Это происходит обычно в тех случаях, когда говорящий стремится придать своему высказыванию оттенок экспрессии, драматизации [Серебренников 1960: 169].

Оба этих замечания понадобятся нам в дальнейшем.

Итак, интуиции большинства исследователей-черемистов в общем совпадают. Типы контекстов, в которых они ожидают увидеть марийские претериты, следующие: для Аориста это перфективное прошедшее с прямой засвидетельствованностью; для Перфекта — прошедшее время с непрямой засвидетельствованностью, результативное прошедшее, habituальное или имперфективное прошедшее. Вместе с тем для каждого из этих значений

(подразумевающих определенные ограничения на употребление) по отдельности находятся контрпримеры; а полисемию «имперфекта и перфекта» постулировать, как мы видели выше, не очень осмысленно. Ни понятие «очевидности» само по себе, ни более сложные модели полисемии, которые ранее предлагались в черемистической литературе, не могут предсказать выбор между Аористом и Перфектом.

4. Горномарийские данные

4.1. Эвиденциальность

В этом разделе мы собираемся опровергнуть гипотезу о том, что основой семантического противопоставления Аориста и Перфекта в горномарийском языке является эвиденциальность.

Как отмечал и Б. А. Серебренников (правда, на материале лугового марийского), употребимость Перфекта не ограничивается контекстами косвенной засвидетельствованности.

Во-первых, как уже говорилось выше, для описаний хабитуальных ситуаций в прошлом возможен только Перфект, но не Аорист. Он употребляется и в тех случаях, когда участие в этих ситуациях принимал сам говорящий:

- (14) *sämäräk-än god-äm mән' kärš-äm*
 молодой-GEN время-ACC я гусли-ACC
šakt-en-äm / *šakt-äš-äm
 играть-PRF-1SG играть-AOR-1SG
 ‘В молодости я играла на гуслях.’

Пример (15) взят из текста, представляющего собой обсуждение трубопровода: говорящий вспоминает о том, что в детстве он и его друзья на нем играли. При этом носители горномарийского языка запрещают заменять в этом примере Перфект на Аорист:

- (15) *ves ponimani älän, ves stat'a-n*
 другой понимание быть-PRF[3SG] другой способ-GEN
mad-än-na / *mad-äš-na
 играть-PRF-1PL играть-AOR-1PL
 ‘{Сейчас дети там не бегают, их типа ругают. А раньше по-другому было.} Другое понимание было, мы по-другому играли.’

С другой стороны, в контекстах прямой засвидетельствованности при эпизодической референции допустим не только ожидаемый Аорист, но и Перфект:

- (16) *sen'a trük mән' vekә vädä-m šäv-en*
 Сеня вдруг я к вода-ACC брызгать-CVB
ru-en / OK ru-š
 дать-PRF[3SG] дать-AOR.3SG
 'Сеня вдруг брызнул на меня водой.'

- (17) *mән' uš-ән-am, što vas'a*
 я видеть-PRF-1SG что В.
ke-n / OK ke-š
 уйти-PRF[3SG] уйти-AOR.3SG
 'Я видел, что Вася ушел'

Пример (18) взят из рассказа говорящего (пожилой учительницы) о своем прошлом; он начинается эпизод, повествующий о крутом повороте в жизни героини — ее взяли в школу преподавать марийский язык и литературу:

- (18) *den'znaniј lәм-eš etär-mә linejka-škә*
 день.знаний имя-LAT провести-NMZ линейка-ILL
tol-ән-am tәštäken
 прийти-PRF-1SG туда
 '{Ну, значит,} пришла я на линейку в честь Дня знаний...'

Можно было бы предположить, что прошедшие времена находятся в привативной оппозиции, в которой Аорист был бы маркированной формой, употребляющейся только в контекстах прямой засвидетельствованности. Однако и эта гипотеза оказывается не соответствующей данным горномарийского языка: дело в том, что Аорист может употребляться как в случае прямого, так и в случае непрямого доступа к информации:

- (19a) *mән'-ән sәнzä-em anžal-mә čäškä*
 я-GEN глаз-POSS.1SG видеть-NMZ чашка
pädärg-әš
 разбиться-AOR[3SG]
 'Чашка разбилась на моих глазах.'

- (19б) *mən' kəde-žə-š' pər-əš-əm dä*
 я комната-POSS.3SG-ILL войти-AOR-1SG и
už-ə-m, što čäškä pädärg-əš
 видеть-AOR-1SG что чашка разбиться-AOR[3SG]
 ‘Я вошел в комнату и увидел, что чашка разбилась.’

Аорист возможен в контекстах, предполагающих источники информации разного рода:

— репортативных (говорящий узнает о событии от других людей):

- (20) *rop-a-t, što vas'a kədal'-ə*
 говорить-NPST-3PL что В. уехать-AOR-3SG
 ‘Говорят, что Вася (уже) уехал.’

— инферентивных (говорящий делает вывод о событии на основании его наблюдаемых результатов):

- (21) *kišä-žə eče svežä=ok, tädä toko=vele*
 след-POSS.3SG еще свежий-EMPH тот только=лишь
ert-əš saj
 пройти-AOR.3SG наверное
 ‘Следы еще свежие, он только что прошел, наверное.’

Таким образом, нельзя считать, что горномарийские Аорист и Перфект противопоставлены по признаку эвиденциальности. Различие между этими двумя временами кроется в чем-то другом.

4.2. Противопоставление по временной дистанции

Со времен прот. Федора Васильева [Васильев 1887] одно из названий марийского Аориста — *недавнопрошедшее время*. Описание в этом духе предлагают Н. Т. Пенгитов [Пенгитов 1961] и Л. П. Васикова [Васикова 1955]: Аорист, по их мнению, обозначает недавно прошедшие, а Перфект — давно прошедшие события.

Часто это различие подчеркивается и самими носителями горномарийского языка в процессе элицитации. Если предъявить информанту минимальную пару, состоящую из двух предложений, находящихся в нулевом контексте (не содержащих обстоятельств времени) и различающихся только временной формой, то предложение с Аористом, по словам информанта, будет описывать ситуацию, имевшую место «только что», а предложение с Перфектом — ситуацию, имевшую место какое-то время назад:

(22a) *üt'ä šärg-äš kâdal'-â*
отец лес-ILL ехать-AOR[3SG]
'Отец уехал в лес (только что).'

(22б) *üt'ä šärg-äš kâdal-ân*
отец лес-ILL ехать-PRF[3SG]
'Отец уехал в лес (может быть, давно).'

В некоторых контекстах, которые предполагают, что событие состоялось только что, Перфект оценивается как неуместный:

(23) *mä pätär-äš-nä, postarä-da /*
мы закончить-AOR-1PL собирать-IMP.PL
ʔpätär-ân-nä
закончить-PRF-1PL
{Говорящий вместе с первой партией моющихся пошел в баню, помылся, вышел и сразу же говорит:} 'Мы закончили, собирайтесь.'

Кроме того, в горномарийском аналоге выражения *Я пошел*, которое является, по-видимому, калькой с русского, может использоваться только Аорист.

(24) *jara, mән' amal-aš ke-š-äm / *ke-n-äm*
ладно я спать-INF идти-AOR-1SG идти-PRF-1SG
'Ладно, я пошел спать'.

Заметим, что в русском примере *Я пошел* прошедшее время описывает событие, которое начинается в момент произнесения этого предложения или вскоре после того, то есть, иными словами, между моментом речи и описываемым событием нет временной дистанции. Эта особенность русского *Я пошел* наследуется и в горномарийской конструкции.

Наконец — и это, с нашей точки зрения, самое важное, — при элицитации отдельных предложений Аорист оказывается недопустим при референции к условно «отдаленному прошлому». Вопрос о том, в каких в точности случаях это бывает так, еще подлежит исследованию; пока ясно, что отдаленность — это относительное понятие, одна и та же точка во времени ('вчера') может быть «отдаленной» для события 'гореть' и «не отдаленной» для события смерти (25)–(26). По-видимому, для каждой

пропозиции существует точка во времени, при локализации перед которой она воспринимается как произошедшая в отдаленном прошлом. При модификации клаузы соответствующими обстоятельствами времени Аорист становится неграмматичным:

(25a) *päri lu i pervi*
 бабушка 10 год давно
kol-en / # kol-äš
 умереть-PRF[3SG] умереть-AOR[3SG]
 ‘{А когда умерла бабушка? — } Бабушка умерла десять лет назад.’

(25б) *päri tängecä kol-en / ^{OK} kol-äš*
 бабушка вчера умереть-PRF[3SG] умереть-AOR[3SG]
 ‘Бабушка умерла вчера.’

(26a) *täl-äm olt-en-et / ^{OK} olt-evä vekät*
 огонь-ACC топить-PRF-3PL топить-AOR.3PL наверно
 ‘{Я чувствую запах гари.} Похоже, жгли костер.’

(26б) *jäd-äm tišä täl-äm*
 ночь-ACC здесь огонь-ACC
olt-en-et / *olt-evä vekät
 топить-PRF-3PL топить-AOR.3PL наверно
 ‘Я почувствовал запах гари. Похоже, тут ночью жгли костер.’

(27) *tänäm pervi=ok*
 тогда давно=EMPH
 * *äl-äš / äl-än iljä muromec.*
 жить-AOR[3SG] жить-PRF[3SG] И. М.
 ‘Давным-давно жил Илья Муромец’.

Обстоятельство времени, однако, необязательно: точно так же Перфект оказывается единственной опцией в предложениях, в которых отнесенность события к плану «отдаленного» прошлого восстанавливается из контекста или общих знаний говорящего и слушающего. Известно, например, что здание церковноприходской школы в Микрякове построил купец Леонтий Лукьянов в 1881 году; в предложении, которое об этом сообщает, Аорист также невозможен:

- (28) *toštâ skol-âm leontij grigorevič lukjanov*
 старый школа-ACC Л. Г. Л.
stroj-en / # stroj-äš
 строить-PRF[3SG] строить-AOR[3SG]
 ‘{А кто построил старую школу? — } Старую школу построил Леонтий Григорьевич Лукьянов.’

Можно сделать предварительное обобщение: при элицитации отдельных предложений Аорист, в отличие от Перфекта, возможен только при референции к «недавнему» прошлому. Заметим, что Перфект, в свою очередь, не ограничен «отдаленным» прошлым: он сочетается с обстоятельствами времени типа ‘недавно’, ‘только что’ и т. п.

- (29) *an'a šukerdä agâl=vele stakan-eš čäj-äm*
 А. давно NEG=только стакан-LAT чай-ACC
opt-ân, tädä eče šokš=ok.
 лить-PRF.3SG тот еще горячий=EMPH
 ‘Аня только что налила чая в стакан, он еще теплый’.

Почему тогда Перфект был неуместен или недопустим в (23) и (24)? Мы считаем, что предпочтительность Аориста в примерах типа (23) имеет не семантические, а прагматические причины. В (23) временная локализация ситуации не выражается лексически и не задана контекстом или общими знаниями участников коммуникации; поэтому если результатом выбора между Аористом (обозначающим «недавнее» прошлое) и Перфектом (немаркированным по временной дистанции) оказывается Перфект, то идея отдаленности может возникнуть как импликатура. То, что Перфект недопустим в (24), объясняется тем, что как и его русский аналог, горномарийское *я пошел* — это фразеологизованная конструкция, в ней не может употребляться не только никакая другая видо-временная форма, но ни один другой глагол, кроме глагола *keï* ‘идти’. Показательно то, что в этой конструкции закрепляется именно Аорист, а не Перфект.

Итак, в этом разделе мы привели данные, которые могут быть аргументами в пользу следующей точки зрения: горномарийские Аорист и Перфект образуют привативную оппозицию по временной дистанции. Можно предположить, что Аорист обозначает «hot news past» (что, кстати, немного диссонирует с наз-

ванием, которое мы для него выбрали — со времен Дж. МакКоли [McCawley 1981] функция сообщения «свежих новостей» ассоциируется скорее с перфектом), а Перфект может употребляться при референции к любой ситуации, имевшей место в прошлом. Такое заключение может быть сделано на основании данных, полученных нами в ходе элицитации.

Тем интереснее, что употребления Аориста, встречающиеся в естественно порожденных текстах, полностью опровергают эту гипотезу.

5. Нарративный Аорист

Один из имеющихся в экспедиционном корпусе текстов начинается так:

- (30) *täžäm ändäkš šüdü väs lu kâm-šâ i-n*
тысяча девять сто пять десять три-ORD год-GEN
p'atij klas-âštâ tâmen'-mä-n god-âm mä
пятый класс-IN учиться-NMZ-GEN время-ACC мы
ikänä poxod-âš ke-n-nä
однажды поход-LAT идти-PRF-1SG
'В 1953 году, когда я училась в пятом классе, мы однажды
пошли в поход.'

Текст представляет собой воспоминания пожилой учительницы о походе, в который она ходила, когда училась в 5 классе. Как следует из первого предложения, все события, о которых говорится в тексте, происходили в 1953 году — то есть в «отдаленном прошлом»; как можно ожидать, большая часть рассказа выдержана в Перфекте. Группа заночевала у лесника; руководитель лег спать в домике лесника, а ученики легли на сеновале в сарае. Ночью они увидели свет, испугались и решили разбудить взрослых. Для этого нужно было спуститься с сеновала в темноте; рассказчица спускалась первая и попала прямо на рога к корове. После этого они долго стучались в дверь, им наконец открыли, лесник взял ружье, обошел сарай, но никого не нашел — скорее всего, это был просто свет фар проехавшей мимо машины.

У текста есть два кульминационных момента: во-первых, когда рассказчица описывает, как она спускалась в темноте с сеновала, и во-вторых, когда детей пускают в дом, а лесник идет

с ружьем осматривать окрестности. В обоих из них Перфект неожиданно сменяется Аористом:

(31) *vot mǎn' pätäri=ok val-äš-äm*
 вот я сначала-EMPH спуститься-AOR-1SG
päckämäš saraj-äškâ i srazu škäl vuj-äškâ,
 темный сарай-ILL и сразу корова голова-ILL
srazu škäl šur-äškâ čuč-än-am
 сразу корова рог-ILL оказаться-PRF-1SG
 'Вот я первая спустилась_{AOR} в темный сарай и сразу оказа-
 лась_{PRF} у коровы на голове, то есть на рогах.'

(32a) *nǎnǎ mǎm-nä-m pört-äš pärt-evä*
 они мы.OBL-POSS.1PL-ACC дом-ILL пустить-AOR.3SG
 'Они нас пустили_{AOR} в дом.'

(32б) *pörteš=ok amal-aš kod-än-na*
 дом=EMPH спать-INF остаться-PRF-1PL
 'В доме мы и остались_{PRF} ночевать.'

(32в) *lesnik äške-žä pičäl'-äm näl'-ä*
 лесник сам-POSS.3SG пицаль-ACC взять-AOR.3SG
dä mǎmnä-n rukovoditel'-nä don koki-än
 и мы-GEN руководитель-POSS.1PL с два-GEN
järväš särm-evä
 вокруг обойти-AOR.3SG
 'Лесник сам взял_{AOR} ружье, и они вместе с нашим руко-
 водителем вдвоем кругом обошли_{AOR}.'

Мы видим, что, несмотря на то что события похода проис-
 ходят в 1953 году, они могут описываться с помощью Аориста.
 Перед нами еще один тип употребления Аориста — нарративный.

Рассмотрим другой короткий текст, также представляющий
 собой историю из жизни. Для краткости мы даем только перевод
 и отмечаем подстрочным индексом при русских глаголах то, в
 какой форме они используются в оригинале:

'(а) С тысяча девятьсот семьдесят пятого года по тысяча
 девятьсот семьдесят девятый год я училась_{PRF} в Оршанском пед-
 училище. (б) На третьем курсе студенческим отрядом мы по-
 ехали_{PRF} в Астраханскую область собирать арбузы. (с) Сначала в

саду собирали_{AOR} абрикосы и яблоки. (d) А потом через один месяц поехали_{AOR} на бахчу. (e) Нас там разделили_{AOR} на три группы. (f) В нашей группе нас было_{PRF} десять. (g) Мы жили_{PRF} в степи. (h) Погода была_{PRF} жаркая. (i) Работали_{PRF} утром и вечером. (j) А по вечерам под шатром, взяв баян, песни пели_{PRF}. (k) Время весело провели_{PRF}.

Этот маленький текст имеет следующие четыре части:

- вводное предложение (a);
- нарративная часть, состоящая из предикаций, описывающих следующие друг за другом события (b–e);
- описательная часть, состоящая из стативных предикаций (f–j);
- заключительное предложение (k).

В первой, третьей и четвертой частях все предикации оформлены Перфектом. Нарративная часть начинается с Перфекта, за которым потом следуют три формы Аориста.

Эти два случая приведены только для примера; в экспедиционном корпусе текстов в нарративах, начинающихся формами Перфекта, встречаются разного размера пассажи, оформленные Аористом. Аорист появляется в основной линии нарратива при передаче сменяющих друг друга перфективных ситуаций. При этом, как мы видели в рассказах про поход и про Астрахань, ограничение на временную дистанцию снимается — Аорист может реферировать к ситуациям, которые имели место и в 1977, и в 1953 году. Можно предположить, что нарративный дискурс снимает то ограничение на близость ситуации к моменту речи, которое мы видели выше.

Мы проверяли эту гипотезу двумя способами.

Во-первых, мы попытались элицировать нарративы. Мы просили информанта переводить на горномарийский короткие и явно связанные по смыслу предложения одно за другим, предупредив заранее, что они составляют одну и ту же историю. Ясно, что такая методика не вполне надежна — носитель может «потерять» в памяти предыдущий контекст и начать воспринимать предложения как изолированные. Как бы то ни было, выбранный метод позволил подтвердить нашу гипотезу — при эликации

целых историй глагольные формы в Аористе могут осуществлять референцию к событиям отдаленного прошлого.

В примере (33) мы видим такой сконструированный отрывок нарративного дискурса. В первой нарративной клаузе Аорист, как правило, невозможен, в ней нужен Перфект. В остальных клаузах можно использовать как Аорист, так и Перфект:

(33a) *ikänä barin keles-en / #keles-äš*
 однажды барин сказать-PRF[3SG] сказать-AOR.3SG
što t'ot'a-m saltakâ-š ke-šäšlâk
 что дедушка-POSS.1SG солдат-ILL идти-PTCP.DEB

(33б) *män'-än kogo papa tol-ân / tol'-ä*
 я-GEN большой бабка идти-PRF[3SG] идти-AOR.3SG
tädä-n do-kâ dä keles-en / keles-äš
 тот-GEN к-ILL и сказать-PRF[3SG] сказать-AOR.3SG
što värä-šä-žž män' ške=ok saltak-âš
 что место-ILL-POSS.3SG я сам=EMPH солдат-ILL
ke-em.
 идти-NPST.3SG

(33в) *barin kogon ör-ân / ör'-ä*
 барин очень удивиться-PRF[3SG] удивиться-AOR.3SG
 ‘{Мой дед с детства хромал на одну ногу.} Однажды барин
 сказал_{PRF/*AOR}, что мой дед должен пойти в солдаты. Моя
 прабабка пошла_{AOR/PRF} к нему и сказала_{AOR/PRF}, что она вместо
 него сама в солдаты пойдет. Барин очень удивился_{AOR/PRF}.’

Точно так же, задав нарративный контекст, с помощью форм Аориста можно говорить о Петре I, Иване IV, марийском национальном герое Акпарсе и т. д.:

(34) *a tädä otkazâvaj-alt-ân / otkazâvaj-alt-âš*
 а он отказать-DETR-PRF[3SG] отказать-DETR-AOR.3SG
 ‘{Однажды к царю Петру пришли шведские послы и предложили мир,} а он отказался.’

Во-вторых, в дополнение к уже имевшемуся текстовому материалу был собран небольшой подкорпус нарративных

текстов с использованием визуальных стимулов⁷. Мы показали семерым носителям горномарийского языка известный фильм «Pear film» [Chafe (ed.) 1980] и пятерым — мультфильм «Жихарка» (цикл «Гора самоцветов», студия «Пилот», 2006); после просмотра фильма мы просили носителей пересказать то, что они увидели. Мы рассчитывали получить как можно более прототипические нарративы, которые при этом являлись бы достаточно длинными.

Из семи носителей, смотревших фильм о грушах, у одного основной нарративной стратегией являлся Перфект, другой начал рассказывать в Перфекте, а затем примерно в середине пересказа перешел на Непрошедшее (стратегия *praesens historicum*); еще трое с самого начала пользовались Непрошедшим. Для двоих носителей основной нарративной стратегией был Аорист.

Для примера рассмотрим один из этих двух текстов. Абсолютное количество словоформ в разных временах в нем таково:

- 13 форм Перфекта;
- 16 форм Аориста;
- 7 форм Непрошедшего (*praesens historicum*);
- (1 форма Дезидератива — отдельного наклонения, не сочетающегося с индикативными формами).

Перфект используется в интродуктивной части ('Было_{PRF} тихое утро') и двух первых предложениях нарратива ('Один мужчина пошел_{PRF} в сад и начал собирать яблоки. Поставил_{PRF} лестницу и начал_{PRF} собирать яблоки в фартук'). На следующем предложении ('Когда фартук наполнился, он спустился_{AOR} с лестницы') говорящий переходит на Аорист. После этого все события основной линии оформляются Аористом, а Перфект маркирует отступления от основной линии (в основном нравоучительные пояснения типа 'Наверное, этот мальчик жадный был_{PRF}, только два яблока дал_{PRF}'). Непрошедшее время в функции «исторического презенса» в основном оформляет фоновые ситуации ('...огляделся_{AOR} вокруг. Понятно, что хозяин его не видит_{NPST}'), а также, например, всю

---

⁷ Авторы благодарны участникам зимней горномарийской экспедиции 2017 года, помогавшим при записи и разборе пересказов «Истории о грушах» и «Жихарки».

небольшую побочную сюжетную линию про мужчину, ведущего козу (возможно, она вся воспринимается как фон относительно другой, основной линии).

Пересказы мультфильма о Жихарке дали совершенно другую картину. Один из информантов начал пересказ в Перфекте и перешел на *praesens historicum* примерно после трети рассказанного текста; остальные четверо с самого начала использовали *praesens historicum*. Следует отметить, что это верно и для остальных сказок, которые имеются в экспедиционном корпусе: везде, кроме интродуктивных пассажей, в них используется Непрошедшее время.

Вообще *praesens historicum* в горномарийском используется гораздо шире, чем в современном русском литературном языке — с ним сочетаются, например, семельфактивные и делимитативные ситуации. Сравним, например, следующий пассаж из пересказа «Жихарки» и его русский перевод:

- (35) *tädä okn'a do-kâ toleš i*
 этот окно к-ILL идти-NPST.3SG и
stuč-alal-eš / (OK stuč-a)
 стучаться-АТТ-NPST.3SG стучаться-NPST.3SG
 ‘Она к окну подходит и стучится.’

Глагол *stuča* ‘стучать’ входит в акциональный класс <ES MP, MP>, то есть может обозначать и квант стука, и мультипликативный процесс, состоящий из нескольких таких квантов. Атенуативный суффикс *-alal-* в данном случае получает делимитативное значение ‘постучит (несколько раз)’; эта глагольная форма может иметь только перфективный видовой ракурс и, как следствие, не сочетается с референцией к плану настоящего — формы Непрошедшего времени от глагола *stučalaleš* имеют, как правило, только футуральную интерпретацию. Однако, в отличие от русского (*подходит и *постучит / подходит и #постукивает*), этот глагол и подобные ему горномарийские аттенуативные дериваты могут употребляться в нарративе, оформленном историческим настоящим. Как известно, исторический презенс является основной нарративной стратегией в тюркских языках Поволжья (см. [Татевосов и др., в печати] и литературу там); такое широкое употребление этой стратегии может быть ареальным феноменом.

По-другому употребляется *praesens historicum* в двух пересказах «Истории о грушах», где основной нарративной стратегией был выбран Аорист. В этих случаях он гораздо точнее соответствует историческому настоящему современного русского языка, оформляя в основном фоновые ситуации:

(36a) *dä olma-m korzinâ-š / korzin-âškâ*
и яблоко-ACC корзина-ILL корзина-ILL
opt-âš

положить-AOR[3SG]

‘И он яблоки в корзину переложил’

(36б) *i pakâla olma-m pog-aš tângâl’-ä*
и дальше яблоко-ACC собирать-INF начать-AOR.3SG
‘И дальше яблоки стал собирать’

(36в) *ti veremä-n mändärnâ agâl ves*
это время-GEN далеко NEG.3[SG] другой
püergâ kesä-m progulka-š nänge-ä
мужчина коза-ACC прогулка-ILL вести-NPST.3[SG]
‘А в это время недалеко другой мужчина козу на прогулку ведет.’

Таким образом, наши данные показывают, что в горномарийском языке есть три видо-временных формы, которые могут свободно оформлять события основной линии нарратива: Аорист, Перфект и историческое Непрошедшее. Хотя к настоящему времени, к сожалению, наш корпус плохо сбалансирован в жанровом отношении, можно сделать предварительный вывод о том, что эти три стратегии имеют некоторое жанровое распределение. Последовательное употребление исторического Непрошедшего, как мы уже сказали, тяготеет к сказкам. Нарратив, состоящий из одних только форм Перфекта, используется в самых разнообразных контекстах; это единственный вариант, например, в тех случаях, когда излагаемая история разворачивается на протяжении долгого времени — нескольких месяцев или даже лет, а составляющие его события не укладываются в один «раунд наблюдения» (об этом понятии см. [Апресян 2017: 86]). Хорошим примером такого рода нарративов может быть, например, биография говорящего или история восстановления сельской церкви.

В такие нарративы естественно встраиваются перфективные хаби-туальные предикаты (‘некоторое время поработала заведующей садика’, ‘три года ходила в школу пешком, {а потом провели автобус}’ и т. п.) — как мы помним, Перфект, в отличие от Аориста (и исторического Непрошедшего), может иметь хаби-туальную интерпретацию. Наконец, Аорист чаще всего появляется в личных нарративах, которые описывают события, происходившие в пределах нескольких часов — и при этом все они укладываются в один раунд наблюдения.

По-видимому, параллелью (хотя, возможно, и не очень точной) противопоставления Аориста и Перфекта в нарративных контекстах можно считать две русские нарративные стратегии: последовательное оформление всех клауз прошедшим временем (=Перфект) и прошедшее время, заменяющееся настоящим в имперфективных контекстах.

(37а) *Лисица спряталась за пенек и сидела там.*

(37б) *Лисица спряталась за пенек и ^{ok}сидит там.*

(38а) *Иван Грозный уехал в Александровскую слободу и управлял Россией оттуда.*

(38б) *Иван Грозный уехал в Александровскую слободу и # управ-ляет Россией оттуда.*

Таким образом, в нарративах у Аориста действительно исчезает ограничение по временной дистанции, которое мы видели при элицитации отдельных предложений. (На самом деле некоторые носители при элицитации с марийского стимула могут «достроить» нарратив и проинтерпретировать Аорист как его часть; поэтому для того, чтобы запреты на Аорист при референции к давнему прошлому в предыдущем разделе были категориче-скими, мы «вставляли» их в заведомо ненарративный контекст — например, делали их ответами на вопрос). Что же этот факт дает нам для понимания того, как противопоставлены марийские про-шедшие времена?

6. Анализ

Скажем сразу, что по причинам, изложенным подробно в разделе 3, мы не видим оснований постулировать для Перфекта какую-либо полисемию. Перфект — это не что иное как обычный претерит, то есть форма, семантический вклад которой состоит в помещении времени ассерции до времени речи. Именно поэтому он может употребляться в любых контекстах, предполагающих референцию к плану прошедшего — и эпизодических, и общефактических, и хабитуальных. В тех немногих контекстах, как например, в (23), в которых Перфект оказывается неуместен, дело не в семантике, а в прагматике: если в нулевом контексте употребляется Перфект, а не Аорист, то слушающий делает вывод о том, что это неслучайно — у высказывания возникает импликатура отдаленности во времени. Как бы то ни было, Перфект прекрасно сочетается с обстоятельствами недавнего времени ('только что', 'сейчас' и др.; (29)); это означает, что в его семантике ограничений на временную дистанцию нет.

Семантика Аориста устроена более сложно. С типологической точки зрения горномарийский Аорист, несомненно, можно считать **полифункциональной** граммемой [Grossman, Polis 2012]. Оформление нарративных клауз — отдельная, типологически независимая функция (о специализированных нарративных претеритах см. [Dahl 1985: 112–114; Fleischman 1990]). То же самое верно и для функции «недавнопрошедшего», “hot-news” past — во многих языках это одно из употреблений граммемы перфекта, который чаще всего как раз не может употребляться в нарративных контекстах (обычно ему противопоставлена другая, нарративная форма прошедшего времени). Встречаются и специализированные формы недавнопрошедшего — в основном в языках, глагольные системы которых включают дробные противопоставлениями по временной дистанции. Итак, нарративное прошедшее и недавнее прошедшее — самостоятельные, легко определяемые **сравнительные концепты** [Haspelmath 2010; Evans 2010]; таким образом, с чисто типологической точки зрения можно рассматривать Аорист как имеющий две не связанные между собой функции.

Однако в современной литературе, посвященной сравнительным концептам, подчеркивается, что типологическое описание такого рода не должно заменять другого, выполненного в терминах

описательных категорий [ibid.]. В этом разделе мы собираемся предложить для горномарийского Аориста единое значение, которое объясняло бы его употребление в обоих рассмотренных выше типах контекстов.

6.1. Наблюдатель

Впервые анализировать временную семантику с помощью трехчленной системы, в которую входят время высказывания, время ситуации и еще одна временная точка, предложил Ганс Рейхенбах [Reichenbach 1947]. Эту точку он называл *Referenzzeit*, временем референции (в русском языке закрепился термин «точка отсчета»). Это понятие было необходимо главным образом для анализа семантики английских сложных времен — например, плюсквамперфекта: ситуация, которую выражает форма плюсквамперфекта, предшествует какому-то другому моменту в прошлом, не совпадающему, естественно, с временем высказывания; этим другим моментом и является точка отсчета. В дальнейшем понятие *reference time* стали использовать еще и для анализа вида. В. Клейн [Klein 1994: 24] предлагает вместо этого понятия другое — *topic time* (в русской практике используются термины *время ассерции*, *окно наблюдения* и др.), то есть временной интервал, о котором говорящий делает утверждение. Именно *topic time* разным образом соотносится со временем ситуации (вкладывается в него, содержит его или пересекается с ним) и обеспечивает семантические противопоставления из области «видового ракурса» (viewpoint aspect).

Однако Х. Камп и У. Райле [Kamp, Reyle 1993] убедительно доказывают, что на самом деле для того, чтобы анализировать время и вид, нужна четырехчленная система. Точка отсчета Рейхенбаха и время ассерции Клейна — это не одно и то же. Например, трехчленная система не справляется с анализом «развернутых флэшбэков» типа (39):

- (39) *Fred arrived at 10. He **had got up** at 5; he **had taken** a long shower and **had left** the house at 6:30.*
'Фред приехал в 10 утра. Проснулся он в 5, долго принимал душ и вышел из дома в полседьмого'.

Три ситуации, оформленные плюсквамперфектом, составляют мини-нарратив; для того, чтобы события осмыслились как

последовательно идущие друг за другом, нужно, чтобы временной интервал, находящийся «сразу после» одной из них, интерпретировался как время ассерции следующей за ней ситуации — так же, как это бывает устроено в обычном, неплюсквамперфектном нарративе. Предшествование чему в таком случае маркирует плюсквамперфект? Какой компонент в семантике этих форм анафорически отсылает к первому предложению? Ясно, что это не может быть ни время ассерции, ни время речи. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, Х. Камп и У. Райле и предлагают сохранить отдельное существование точки отсчета, называя ее *perspective time*. Таким образом, система получается четырехчленной.

В этой статье мы будем использовать неформальную версию этой системы, предложенную Е. В. Падучевой, в которой этот «четвертый компонент» называется **Наблюдателем**. Вообще Наблюдатель — это «антропоцентрический компонент» в семантике; впервые его существование постулировал Ю. Д. Апресян на материале предложений типа *На дороге показался всадник* [1986] (здесь Наблюдатель — «генерический» Экспериенцер, субъект зрительного восприятия). Кроме этого, именно положением Наблюдателя Е. В. Падучева объясняет разницу между отрицательными экзистенциальными предложениями с номинативом и генитивом субъекта типа *Вася не был в Москве* vs. *Васи не было в Москве* (можно показать, что в последнем случае в Москве находится Наблюдатель) [Падучева 1992]. В «Семантических исследованиях» [Падучева 2010] Е. В. Падучева применяет понятие Наблюдателя уже для анализа видо-временной семантики.

Следуя Э. Бенвенисту, разделявшему *plan de discours* и *plan de récit*, Е. В. Падучева выделяет два режима интерпретации дискурса: **диалогический** и **нарративный**. Первый представляет собой каноническую речевую ситуацию: говорящий и слушающий обмениваются репликами разной длины, совершая самые разные речевые акты. Во втором конкретный слушающий «здесь и сейчас», как правило, необязателен; для интерпретации высказываний, составляющих нарративный дискурс, обычно бывают важны место и время не порождения высказывания, а те, в которых локализованы события, составляющие нарратив. Адресаты нарратива как бы «переносятся» в прошлое, воспринимают события так, как будто они протекают перед их собственными глазами.

Е. В. Падучева моделирует это противопоставление с помощью понятия Наблюдателя следующим образом. При референции к прошлому в диалогическом режиме интерпретации дискурса мы имеем дело с **ретроспективным** Наблюдателем — его положение совпадает со временем высказывания; он «смотрит» назад на события прошлого. В нарративном же режиме Наблюдатель **синхронный**: он находится в той же точке временной оси, что и события, о которых идет речь, и двигается по оси времени одновременно с ними. Кроме предложений основной линии нарратива, которые по определению характеризуются перфективным видовым ракурсом, синхронный Наблюдатель предполагается в клаузах с актуально-длительным несовершенным видом. В случае общефактического несовершенного вида (*Я пробовал надкагъль*) Наблюдатель, наоборот, всегда ретроспективный: говорящий высказывается о факте, имевшем место в прошлом, вместе с Наблюдателем оглядываясь на него назад из ситуации речевого акта. Именно поэтому общефактический НСВ невозможен в нарративе. Интерпретация граммы прошедшего времени, считает Е. В. Падучева, зависит от режима интерпретации дискурса: в диалогическом режиме оно означает то, что ситуация предшествует позиции Наблюдателя, а в нарративном — совпадает с последней. Настоящее время означает совпадение с позицией Наблюдателя; в диалогическом режиме это дает обычные употребления настоящего времени, а в прошедшем — *praesens historicum*.

Приняв эти допущения, можно охарактеризовать семантику горномарийских прошедших времен.

6.2. Наблюдатель в горномарийском

Горномарийский Перфект — это *general preterite*, претерит «общего назначения». Значит, он ровно так же чувствителен к позиции Наблюдателя, как это пишет о русском претерите Е. В. Падучева. Можно сформулировать это по-другому: Перфект наоборот, максимально независим от интерпретации дискурса и позиции Наблюдателя. Можно считать, что Перфект недоспецифицирован относительно позиции Наблюдателя и просто маркирует то, что время ассерции предшествует времени высказывания (как, собственно, обычно и анализируют семантику прошедшего времени, см. [Klein 1994: 3–4]).

Аорист — это тоже прошедшее время, то есть время ассерции в клаузах, содержащих эту форму, предшествует времени высказывания. Кроме этого, Аорист дополнительно требует выполнения условия (40):

- (40) Время ассерции является **смежным** с точкой положения Наблюдателя.

Понятие **смежности** поясняется в (41):

- (41) Интервал t является смежным с интервалом t' , если t' расположен **непосредственно до** или **непосредственно после** t .

Вслед за Д. Даути [Dowty 1986] мы оставим размытыми понятия *непосредственно до* и *непосредственно после*. Изначально они были нужны, чтобы описать взаимоотношения следующих друг за другом событий в нарративе: если время одного события составляет точку отсчета (*reference time*) для другого, то точка последующего события должна находиться “just after” («непосредственно после») предыдущего. Д. Даути пишет, что позиция точки отсчета

определяется только тем, как слушающий понимает сущность описываемых в нарративе событий, общую степень подробности, с которой они описываются, и энциклопедические знания о том, как разные ситуации обычно бывают хронологически связаны. (...) Точки отсчета следуют друг за другом «непосредственно» в том смысле, что каждое последующее предложение описывает следующее по порядку событие, которое важно с точки зрения цели рассказа настолько, что заслуживает того, чтобы говорящий рассказал об этом слушающему [Dowty 1986: 47].

Откуда в семантике высказывания возникает точка отсчета, определяющая временную локализацию события, которое оно обозначает? Начиная с классической работы Б. Парти [Partee 1973], на этот вопрос чаще всего отвечают так. Точка отсчета задается анафорически — таким же образом, каким устанавливается, например, референция местоимений типа *он* или *она*: функция оценки переменных ищет в предшествующем контексте самый «активированный» объект и приписывает его в качестве референта местоимению. Только в случае точки отсчета на референта существуют строгие ограничения: функция оценки ищет **самый**

активированный временной интервал. Естественно, в случае нарратива самый активированный временной интервал — тот, который занимало предыдущее событие. Итак, примем пока, что точка отсчета в нарративе совпадает с временем предшествующего события, а время ассерции для следующего события находится **непосредственно после**.

Мы предлагаем считать, что то, как интерпретируется Аорист, зависит от режима интерпретации дискурса. Он может быть, согласно допущениям, принятым выше, нарративным или диалогическим.

В нарративном режиме позиция Наблюдателя (она же точка отсчета) движется одновременно с событиями дискурса — в терминах Е. В. Падучевой, Наблюдатель является синхронным. Тогда при Аористе время ассерции является смежным с позицией Наблюдателя так, как это обычно происходит в нарративе — оно располагается **непосредственно после** позиции Наблюдателя. В диалогическом режиме позиция Наблюдателя совпадает с моментом речи. Аорист — это прошедшее время, а значит, время ассерции должно располагаться **до момента речи** (см. обсуждение в разделе 5). Выходит, что оно должно быть локализовано **непосредственно до** него. Таким образом, мы получаем обсуждающуюся в разделе 4.2 интерпретацию «недавнего прошлого».

(42a)=(25a)   *rapi*   *lu*   *i*   *pervi*
бабушка   десять   год   давно
kol-en   /   # *kol-âš*
умереть-PRF[3SG]   умереть-AOR[3SG]
'{А когда умерла бабушка? — } Бабушка умерла
десять лет назад.'

(42б)=(25б)   *rapi*   *tāngecā*   *kol-en*   /
бабушка   вчера   умереть-PRF[3SG]
OK kol-âš
умереть-AOR[3SG]
'Бабушка умерла вчера.'

В сущности, Аорист функционирует очень похоже на русское настоящее время — так, как его описывает Е. В. Падучева, — с той только разницей, что последнее обозначает не смежность, а совпадение. Для обеих форм свободная референция к прошедшему

возможна только в нарративном дискурсе; в диалогическом они в разных смыслах «привязаны» к моменту речи. Неудивительно поэтому то, что с Аористом в традиционных описаниях ассоциируются драматизм и эффект присутствия; то, что он появляется в кульминационных моментах повествования — это та же самая «наглядность», которую обычно приписывают историческому презенту.

7. Заключение

Итак, Перфект — это прошедшее время без дополнительных семантических осложнений, а Аорист — это прошедшее время с дополнительным условием смежности времени ассерции и позиции Наблюдателя. Это условие и определяет два главных типа употреблений, которые имеет Аорист: при нарративном режиме интерпретации дискурса он употребляется без ограничений, при диалогическом — маркирует события, происшедшие *недавно*. Эти два типа употреблений не являются, однако, разными значениями: оба они выводятся из условия смежности, сформулированного выше в (41).

Почему большое количество исследователей марийского языка постулировали для Перфекта полисемию, выделяя «перфектно-результативное», «имперфектное», «неочевидное» значения? Мы не можем быть вполне уверены в нашем объяснении, так как их выводы чаще всего базировались на материале лугового марийского. Однако если данные, которыми располагали наши предшественники, были похожи на наши, можно предположить следующее. Держа в голове противопоставление Перфекта и Аориста, черемисты обращали внимание в первую очередь на те контексты, которые для Аориста были нехарактерны. Прототипический контекст для появления Аориста — это основная линия личного нарратива, то есть события перфективные (но не перфектные) и прямо засвидетельствованные. Контексты прямой засвидетельствованности «притягивают» Аорист, потому что ситуации, описываемые этой формой, представляются наиболее «ярко», «наглядно» — именно эту нарративную стратегию естественно выбрать для событий, которые Наблюдатель, часто совпадающий с говорящим, видел своими глазами. Однако это всего лишь прагматическое предпочтение, а не грамматическое требование.

В свою очередь «перфектные», «имперфектные» и «эвиденциальные» употребления являются более типичными для Перфекта.

Мы должны ответить на последний вопрос. Почему же в таком случае мы выбрали именно такие ярлыки для наших форм — Перфект и Аорист?

По-видимому, имеющееся на данный момент в горномарийском языке противопоставление является поздней стадией «перфектного цикла» [Маслов 1983]. Как известно, один из самых частотных путей семантического развития в области видо-временной семантики — превращение результата в перфект и далее в просто прошедшее время. На последнем этапе бывший перфект часто вытесняет архаические формы, служившие до этого для референции к плану прошедшего. Можно предположить, что горномарийская система прошедших времен — промежуточный результат такого вытеснения.

Специалисты в области исторической черемистики (в т. ч. И. С. Галкин [1964], Б. А. Серебренников [1960], Г. Берецки [Bereczki 2002]) сходятся в том, что марийский Аорист — это наследник сразу двух прафинноугорских прошедших времен. Как предполагают авторы, появляющийся в I спряжении показатель *-ə-*, смягчающий предшествующие зубные сонорные, восходит к прафинно-угорскому **-i-*, когнатами которого являются прошедшие времена в прибалтийско-финских и пермских языках. В свою очередь, *-š-* во II спряжении является когнатом мордовских и обско-угорских *s-*овых прошедших времен (прафинноугорское **s* регулярно соответствует марийскому *š*). Происхождение Перфекта еще более прозрачно — это результат грамматикализации формы с идентичными показателями (*-ən* для I спряжения, *-en* для II), сейчас функционирующей как конверб общего назначения, образующий, кроме всего прочего, «сложные глаголы» (44):

- (43) *i ti lem-ž-əm tarelka-vlä-š opt-ən*
 и этот суп-3SG-ACC тарелка-PL-ILL класть-CVB
kud-əšt=ok mäm-nä-n stöl vəlñä
 летняя.кухня-IN=EMPH мы-POSS.1PL-GEN стол наверху
săkăr-əm lăkt-əna <...>
 хлеб-ACC достать-NPST.1PL

‘И этот суп в тарелки разлив, в той же самой кухне мы хлеб на стол достаем...’

- (44) *mən' turi-m*   *šukā*   *veremä*   *kapaj-en*
 я   картошка-ACC   много   время   копать-CVB
šānz-en-äm
 сидеть-PRF-1SG
 ‘Я долго копал картошку’.

Естественно считать, что на более раннем этапе развития языка форма на *-n* функционировала как результивное причастие, из которого развились, с одной стороны, конверб, а с другой (возможно, в составе конструкции вместе со связкой) финитная парадигма Перфекта. Как указывает И. С. Галкин, в некоторых идиоматических выражениях форма на *-n* сохраняет причастное употребление (правда, он, а вслед за ним и Б. А. Серебренников, и Г. Берецки приводят только одну идиому — *šūžen i* <голодать-CVB год> ‘голодный год’).

Таким образом, две оставшиеся функции Аориста, которые мы видим на современном этапе развития горномарийского языка, есть результат его «вытеснения» новым прошедшим временем — Перфектом. (Как известно, похожую судьбу имели синтетические прошедшие времена типа французского *Passé Simple* в романских языках — часто они употребляются исключительно в нарративном дискурсе, тогда как в диалогическом уже безраздельно властвуют аналитические перфектные формы, см. [Fleischman 1990]; правда, значений недавнего прошлого у романских претеритов как будто не зафиксировано.) Поэтому мы и присваиваем двум горномарийским прошедшим временам ярлыки, которыми обычно называют участников «перфектного цикла» — Аорист и Перфект.

В заключение мы хотели бы отметить, что, если мы и находимся на правильном пути, видя семантическую специфику Аориста в требовании смежности времени ассерции и позиции Наблюдателя, наш анализ все равно не объясняет всю сумму эмпирических данных, которую мы представили в этой статье. Для описания семантики Аориста мы принимали те допущения о позиции Наблюдателя, которые делает Е. В. Падучева [2010], однако, как кажется, некоторые из них следует пересмотреть. В горномарийском есть как минимум три нарративных стратегии: перфектная, аористная и презентная (в русском, как мы отмечали в разделе 6.2, им в какой-то степени соответствуют нарративы, оформленные исключительно в прошедшем, с чередованием прошед-

шего и настоящего и исключительно в настоящем). Эти стратегии явно различаются по степени «драматизма», или «наглядности», представления событий. Согласно теории Е. В. Падучевой, однако, независимо от стратегии Наблюдатель находится внутри нарратива, сопутствуя сменяющим друг друга событиям. Как выразить это трудно осязаемое различие в четырехчленной системе анализа видо-временной семантики — и можно ли это сделать? На этот вопрос только предстоит найти ответ.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лица; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; AOR — аорист; ATT — аттенуатив; COMP — компаратив; CVB — конверб (деепричастие); DAT — датив; DEB — дебитив; DETR — детранзитивизатор; EMPH — эмфатическая частица; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; IN — инессив; INF — инфинитив; LAT — латив; NEG — отрицание; NMZ — номинализация; NPST — непрошедшее (настояще-будущее) время; OBL — косвенная основа; ORD — порядковое числительное; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PRF — перфект; PTCP — причастие; SG — единственное число.

Литература

- Апресян 1986 — Ю. Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика 28, 1986. С. 5–33. [Yu. D. Apresian. Deixis v leksike i grammatike i naivnaia model' mira [Deixis in vocabulary and grammar and naïve model of the world] // Semiotika i informatika 28, 1986. P. 5–33].
- Апресян и др. (ред.) 2017 — Ю. Д. Апресян и др. (ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Litres, 2017. [Yu. D. Apresian i dr. (ed.). Iazykovaia kartina mira i sistemnaia leksikografiia [Language worldview and systematic lexicography]. M.: Litres, 2017].
- Васикова 1955 — Л. П. Васикова. Прошедшее время глагола в марийском языке. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Тартуский университет, Тарту, 1955. [L. P. Vasikova. Proshedshee vremia glagola v mariiskom iazyke [Verbal past tense in Mari]. Avtoref. diss. kand. filol. nauk. Tartuskii universitet, Tartu, 1955].
- Васильев 1918 — В. М. Васильев. Записки по грамматике народа мари. Казань, 1918. [V. M. Vasil'ev. Zapiski po grammatike naroda mari [Sketches on the grammar of the Mari people]. Kazan', 1918].

- Васильев 1887 — Ф. Васильев. Пособие по изучению марийского языка. Казань, 1887. [F. Vasil'ev. Posobie po izucheniiu mariiskogo iazyka [Manual of the Mari language]. Kazan', 1887].
- Воронов, Мордашова 2016 — М. К. Воронов, Д. Мордашова. Горномарийские глагольные конструкции с *âl'â* / *âlân* в зоне «сверх-прошлого» и за ее пределами. Доклад на XIII конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей, Санкт-Петербург, 2016. [M. K. Voronov, D. Mordashova. Gornomariiskie glagol'nye konstruksii s *âl'â* / *âlân* v zone «sverkhpshlogo» i za ee predelami [The Hill Mari verbal constructions with *âl'â* / *âlân* in remote past area and beyond]. Doklad na XIII konferentsii po tipologii i grammatike dlia molodykh issledovatelei, Sankt-Peterburg, 2016].
- Галкин 1964 — И. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. I. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. [I. S. Galkin. Istoricheskaia grammatika mariiskogo iazyka. Morfologiia [Historical Mari grammar. Morphology]. Part I. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1964].
- Маслов 1983 — Ю. С. Маслов. Результатив, перфект и глагольный вид // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 41–54. [Yu. S. Maslov. Rezul'tativ, perfekt i glagol'nyi vid [Resultative, perfect and verbal aspect] // V. P. Nedialkov (ed.). Tipologiiia rezul'tativnykh konstruksii (rezul'tativ, stiv, passiv, perfekt). L.: Nauka, 1983. P. 41–54].
- Пенгитов (ред.) 1961 — Н. Т. Пенгитов (ред.). Современный марийский язык. Часть 2: Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961. [N. T. Pengitov (ed.). Sovremennyi mariiskii iazyk. Chast' 2: Morfologiia [Modern Mari. Part 2: Morphology]. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961].
- Падучева 1992 — Е. В. Падучева. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола *быть* // Russian Linguistics 16, 1992. С. 53–63. [E. V. Paducheva. O semanticheskom podkhode k sintaksisu i genitivnom sub"ekte glagola *byt'* [On semantic approach to syntax and on a genitive subject of the verb *byt'*] // Russian Linguistics 16, 1992. P. 53–63].
- Падучева 2010 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. [E. V. Paducheva. Semanticheskie issledovaniia: Semantika vremeni i vida v russkom iazyke; Semantika narrativa [Semantic studies: Semantics of tense and aspect in Russian; Semantics of a narrative]. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2010].

- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. *Bibliotheca Ceremissica Tomus V. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola*, 2002. Монография А. А. Саватковой в обработке М. Н. Кузнецовой. [А. А. Savatkova. Gornoe narechie mariiskogo iazyka [The Hill dialect of Mari]. *Bibliotheca Ceremissica Tomus V. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola*, 2002. Monografia A. A. Savatkovoï v obrabotke M. N. Kuznetsovoi].
- Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта: Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-ПРЕСС книга, 2013. [D. V. Sichinava. Tipologija pluskvamperfekta: Slavianskii pluskvamperfekt [Typology of pluperfect: Slavic pluperfect]. M.: AST-PRESS kniga, 2013].
- Серебренников 1960 — Б. А. Серебренников. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. [B. A. Serebrennikov. Kategorija vremeni i vida v finno-ugorskikh iazykakh permskoi i volzhskoi grupp [Tense and aspect in the Permian and Volga groups of the Finno-Ugric languages]. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960].
- Татевосов 2015 — С. Г. Татевосов. Акциональность в лексике и грамматике: глагол и структура события. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2015. [S. G. Tatevosov. Aktsional'nost' v leksike i grammatike: glagol i struktura sobytiia [Actionality in vocabulary and grammar: a verb and an event structure]. Vol. 1. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2015].
- Татевосов и др. (ред.) 2017 — С. Г. Татевосов, А. Г. Пазельская, Д. Ш. Сулейманов (ред.). Элементы татарского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2017. [S. G. Tatevosov, A. G. Pazel'skaia, D. Sh. Suleimanov (eds.). Elementy tatarskogo iazyka v tipologicheskom osveshchenii. Misharskii dialect [Elements of Tatar from typological perspective. The Mishar dialect]. M.: Buki Vedi, 2017].
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar*. Hamburg: Buske, 1993.
- Bereczki 2002 — G. Bereczki. *A cseremiszi nyelv történeti alakzata* [Studies in Linguistics of the Volga Region]. Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadó, 2002.
- Budenz 1865 — J. Budenz. *Cseremis tanulmányok*. Ny K 4, 1865.
- Bybee, Dahl 1989 — J. L. Bybee, Ö. Dahl. *The creation of tense and aspect systems in the languages of the world*. Amsterdam: John Benjamins, 1989.
- Castren 1845 — M. A. Castren. *Elementa grammatices Tscheremissae*. Kuopio: University of Helsinki, 1845.
- Chafe 1980 — W. Chafe. *The Pear Stories: Cognitive, Cultural, and Linguistic Aspects of Narrative Production*. Norwood, New Jersey: Ablex, 1980.

- Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge university press, 1976.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and aspect systems*. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Dowty 1986 — D. Dowty. The effects of aspectual class on the temporal structure of discourse: semantics or pragmatics? // *Linguistics and Philosophy* 9, 1986. P. 37–61.
- Evans 2010 — N. Evans. *Semantic Typology* // J. J. Sung (ed.). *The Oxford Handbook of Typology*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 504–533.
- Fleischman 1990 — S. Fleischman. *Tense and narrativity: from medieval performance to modern fiction*. Austin: University of Texas Press, 1990.
- Grossman, Polis 2012 — E. Grossman, S. Polis. Navigating polyfunctionality in the lexicon. *Semantic maps and Ancient Egyptian lexical semantics* // E. Grossman, S. Polis, J. Winand (eds.). *Lexical Semantics in Ancient Egyptian*. Hamburg: Kai Widmaier Verlag, 2012. P. 175–225.
- Haspelmath 2010 — M. Haspelmath. Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies // *Language* 86(3), 2010. P. 663–687.
- Kamp, Reyle 1993 — H. Kamp, U. Reyle. *From Discourse to Logic: Introduction to Modeltheoretic Semantics of Natural Language, Formal Logic and Discourse Representation Theory (part 1)*. Berlin: Springer Science & Business Media, 1993.
- Kangasmaa-Minn 1988 — E. Kangasmaa-Minn. *Mari* // D. Abondolo (ed.). *The Uralic Languages*. London: Routledge, 1988. P. 219–248.
- McCawley 1981 — J. D. McCawley. Notes on the English perfect // *Australian Journal of Linguistics* 1, 1981. P. 81–90.
- Partee 1973 — B. Partee. Some Structural Analogies Between Tenses and Pronouns in English // *Journal of Philosophy* 70, 1973. P. 601–609.
- Reichenbach 1947 — H. Reichenbach. *Elements of Symbolic Logic*. New York: The Macmillan Company, 1947.